

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2022. Том 26, № 4
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 8:80

ББК 6/8: 80/84

DOI 10.18522/1995-0640-2022-4-89-99

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКОВ» В ИДИОЛЕКТЕ ОЛЕГА МИТЯЕВА

Александра Алексеевна Козакова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Многочисленность контекстов, связанных с употреблением алкоголя, разветвленность наименований алкогольных напитков говорят о значимости данного семантического поля в творчестве О.Г. Митяева. Основываясь на узальных значениях лексем, входящих в семантическое поле, поэт вносит дополнительные компоненты в его систему. В целом же развитие структуры семантического поля говорит о символизации в творчестве поэта лексем, направленных на поэтизацию жизненных ценностей, которые лирический герой считает особенно важными.

Ключевые слова: *семантическое поле, Митяев, алкоголь, напиток*

Для цитирования: *Козакова А.А. Семантическое поле «Употребление алкогольных напитков» в идиолекте Олега Митяева // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2022. Т.26. № 4. С. 89 – 99.*

Original article

SEMANTIC FIELD "THE CONSUMPTION OF ALCOHOLIC BEVERAGES" IN THE IDIOLECT OF OLEG MITYAEV

Alexandra A. Kozakova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The multiplicity of contexts associated with the alcohol consumption, the branching of the names of alcoholic beverages indicate the importance of this topic in the work of O.G. Mityaev. The poet introduces additional components into his system based on the usual meanings of the lexemes included in this semantic field. In general, the development of the structure of the semantic field in the poet's work speaks about the symbolization of the lexemes, aimed at the poetization of life values, which the lyrical hero considers especially important.

Keywords: *semantic field, Mityaev, alcohol, drink.*

For citation: *Kozakova A.A. . Semantic Field “the Consumption of Alcoholic Beverages” in the Idiolect of Oleg Mityaev // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2022. Vol. 26. № 4. P. 89 – 99.*

Введение

В последние десятилетия в лингвистической науке получили интересное развитие идеи В. фон Гумбольдта о языковой концептуализации мира. Актуальными они являются при изучении художественного, прозаического и, особенно, поэтического текста, в котором также выделяются значимые для автора «ключевые слова», во многом отражающие (и формирующие) его мировоззрение и создающие уникальный, неповторимый авторский идиостиль: «Сейчас уже очевидно, что поэтическое богатство определяется не только богатством лексики и грамматики, но и богатством концептосферы поэта. В творчестве любого хорошего поэта есть по несколько десятков любимых слов-образов, слов-мотивов, которые, повторяясь, обогащаются, меняются, в которые вкладывается собственный смысл, лишь отчасти соответствующий словарному. Это и есть концепты, которые составляют ядро творчества» [Маслова, 2004, с. 5 – 6].

Практически параллельно с развитием термина «концепт» применительно к «ключевым» для творчества того или иного автора словам использовался термин «семантическое поле». Очевидно, что в последнее время изучение и описание знаковых для мировоззрения писателя или поэта слов проходит через призму семантического поля, которое «применительно к художественному тексту, определяется как сложная, иерархически организованная система семантических микрополей, образующих единое поле текста» [Черных, 2003, с. 34]. Актуальность данной статьи обусловлена, с одной стороны, возросшим в последнее время интересом лингвистов и литературоведов к изучению текстов авторской песни в различных аспектах (подробный обзор работ см. [Патракеева]), а с другой – недостаточной изученностью текстов О. Митяева, одного из самых известных авторов-исполнителей, стоявших у истоков современной авторской песни. Тексты О. Митяева приводятся для иллюстрации некоторых положений в работах, посвященных бардовской песне, но наряду с текстами других авторов. Отдельному исследованию текстов О. Митяева посвящена глава в кандидатской диссертации Е.Б. Патракеевой, в которой на примере творчества поэта рассматриваются традиционные для авторской песни тенденции «поэтизации и депоэтизации, при которых бытовая ситуация обрастает почти философским контекстом» [Патракеева, 2000, с. 18], рассмотрены приёмы, приводящие к расширению семантической емкости слова, выдвинут тезис о том, что «ведущим признаком поэтизации в авторской песне становится актуализация ключевых лексем, связанная с повышением их ранга в системе языка (от нейтрального – к поэтическому, высокому; от непоэтического к поэтическому...)» [Там же, с. 8], проанализированы контексты с некоторыми ключевыми словами (гитара, костер, окно и др.). Однако очевидно, что нельзя считать список таких слов исчерпанным. Поэтому цель данной статьи – систематизировать лексику

ку указанного СП в песнях О.Г. Митяева, описать её функции и роль в авторском идиостиле.

Исследование и его результаты

При анализе текстов О. Митяева обращает на себя внимание большое количество песен, сюжет которых так или иначе связан с употреблением алкогольных напитков. Так, из проанализированных почти 270 песен, представленных на официальном сайте О. Митяева, более 60 (почти четверть) содержат лексику, связанную с употреблением алкоголя. Е.Б. Патракеева относит такие слова к «нейтральной» лексике, становящейся символичной в результате ситуативной поэтизации в текстах жанра (свитер, водка, крыша, фонарь, троллейбус, часы, ножи)» [Патракеева, 2000, с. 11], замечая, что «поэтизация нейтральной лексики (бытовых деталей и окружающих реалий) в авторской песне происходит за счет ее психологической мотивации, когда предметы и явления быта становятся «психологической деталью, “знаком”, “сигналом” для раскрытия жизненной ситуации или внутреннего состояния героя» [Патракеева, 2000, с. 12].

Многочисленность контекстов, в которых реализуется, а в некоторых и несёт основную смысловую нагрузку лексика данной группы, говорит о значимости в творчестве О. Митяева семантического поля, связанного с алкогольной тематикой. Отметим большое количество (около 100 лексем на примерно 60 стихотворений, некоторые из которых повторяются много раз) и разнообразие лексем, входящих в указанный тематический круг. В текстах поэта среди выбранных слов количественно (около 30 употреблений) лидирует глагол *пить*, видимо, здесь находит отражение общеязыковая ситуация: в статье М.А. Савиной доказывается, что эта лексема является ядром семантического поля. Глагол *пить* обладает наиболее нейтральной и широкой семантикой, во всех толковых словарях выделяются как основные его значения «1. Принимать, проглатывать какое-нибудь питьё, употреблять в качестве напитка (пить чай). 2. Принимать, проглатывать вино, спиртной напиток (пить за здоровье друзей). 3. Постоянно употреблять спиртное, пьянствовать (пить запоем)». Очевидно, что эти значения как раз способны охватить все возможные линии семантического развития лексем поля, именно поэтому, а также потому, что это самая употребительная лексема (около 20 случаев на 60 контекстов), глагол *пить* является его ядром.

Вокруг ядра данного поля отчётливо выделяются два тематических круга в приадажной части. Один связан с разнообразием алкогольных напитков и функцией этого разнообразия (сюда входят лексемы *водка, вино, вино немагазинное, самогон (самогон во фляге), медовуха, шампанское, коньяк, вишнёвый ликёр, брага, спирт, ром, пиво*), «Хванчкара», «Столичная». Другой составляют слова, описывающие разные ситуации приёма алкогольных напитков, формирующие различное отношение к этим ситуациям (лексемы *литр водки, водочка с соленьями, квасить, выпивка, закуска, допивая, в нетрезвом виде, пить до дна, пропито, наполнить бокалы, налить, наливать, выпить стоя, выпивать, сидеть, глотать, разомлеть, стакан, сто граммов,*

*спиться, сломаться, посидеть красиво, давайте выпьем, рюмочки, пировать, выпивший, пузырьёк, чокнуться, забегаловка, запой, запойный, алкаши, напиток, бухой, трёп похмельный почти недельный, алкоголик, вытрезвитель, пропить мозги, выпивающего, похмелие (похмелье), пьянящий, пьяня, пьяный (в разных формах), трезвый, напиваться в хлам, напиток в дым, помянуть (помянем), накрывать скатертью столы, со свиданьем). К периферии (по сравнению с устройством поля в языке) можно отнести слова, в узусе не имеющие отношения к рассматриваемому СП, но в текстах О. Митяева с ним соотносящиеся (некоторые достаточно регулярно): *петь, галдеть, речь, пельмени, упасть на снег, истерика*. Естественно, границы между этими «кругами» весьма условны, так как в художественном тексте лексемы обеих групп формируют целостную картину, тесно переплетаются иногда в одной строке, приобретая семантическую ёмкость, «заражаясь» несвойственным значением и работая над созданием единого образа.*

Лексемы-названия алкогольных напитков кроме поэтизации мельчайших бытовых деталей (яркая черта идиостиля О. Митяева вообще), о чем подробно говорится в диссертации Е.Б. Патракеевой [Патракеева, 2000], выполняют еще функции:

1) стилизации, если речь идёт о давних эпохах. В этом случае избирается напиток, наиболее ярко соотносимый в культуре с выбранным временем и социумом. Так, лабинские казаки, охраняющие территорию России XVIII – XIX вв. от набегов во время Кавказской войны, пьют самогон: *«Здесь и лошади на флаге, // И к обедне тихий звон, // И самогон всегда во фляге, // Каладжинский самогон» («А над Каладжинскою крепостью закаты...»)*. Древнерусские бояре, не желающие перечить царю, пьют медовуху: *«А теперь бояре сильны поддакивать, // Дома в медовуху усы помакивать» («Беклемишевская»)*. А лихие вояки, почти пираты, плавающие по морям, пьют, конечно же, ром: *«Мы будем чалиться местами злаными // И ром бутылками глотать с двух рук» («Курс на Корсику»);*

2) социальной соотнесенности: алкогольный напиток выступает ярким показателем гендерных отношений, принадлежности к профессиональному сообществу, стране, отражает уровень достигнутого материального достатка, иногда эти параметры смешиваются в одном тексте. Влюбленная пара будет в романтических обстоятельствах пить вино (детализация до указания на марку вина) или вишнёвый ликёр: *«Под животом моста // Мы пили с ней вино, // Могли бы лет до ста // Мы целоваться, но // Краток речной маршрут, // Кончилась «Хванчкара». // Поздно, и дома ждут. Пора!» («Небесный калькулятор»); «Ближе к вечеру пойдёт разговор // О высоком и о том, что грешно, // Но прольётся вдруг вишнёвый ликёр, // Всё испачкает, и будет смешно» («Я приду к тебе один»)*. Простые люди из небогатого посёлка во времена детства героя пьют брагу («СССР»). Женщина, которая дорожит отношениями, постарается для своего избранника найти даже в стеснённых материальных обстоятельствах (помимо новой посуды и скатерти) не простую водку или самогон, а коньяк и налить его «в рюмочки» («Соседка»). Коньяк может

себе позволить пить «мужчина за пятьдесят», вполне в жизни состоявшийся и в целом себя принимающий, несмотря на то, что иногда его «заедает кручина»: *«О чем размышляет мужчина, // Которому за пятьдесят, // Когда заедает кручина...// В гостинице тихой районной, // С утра выпивая коньяк, // Он смотрит в окно пенсионно // И думает: "Что-то не так!"»* («О чем размышляет мужчина»). О. Митяев много гастролировал по стране, побывал в самых отдалённых уголках, в том числе в городах Сибири и Заполярья, поэтому герои многих его песен – суровые мужчины самых разных профессий, работающие в тяжелейших условиях вечной мерзлоты, «за пятьдесят мороза» («Западная Сибирь»), полярной ночи, пурги и проч. – пьют *«водку, холодную, как снег»* («Женщина с планеты Земля»), закусывая её пельменями, которые в идиолекте поэта выступают главной (и, пожалуй, единственной) «закуской» (наряду с общим «снедь»). Именно сочетание водки и пельменей наряду с другими деталями быта («сугробы в рост», «водит мой друг «КАМАЗ», «стекло болот» и др.) в текстах поэта складывается в символ физической мощи, духовной силы, здоровья и молодости героев.

Водка – второе по частотности слово в СП «Употребление алкогольных напитков», она, безусловно, стала культурным понятием, «национальным концептом», прочно связанным в мире с Россией и русскими. Поэтому вполне закономерным представляется противопоставление по «национальному признаку» французского вина и русской водки, оформляющее ностальгию героини в песне «Француженка»: *«Наполнит праздничный Париж // Вино французское, // А ей пригрезится Москва белым-бела, // Она пьёт водку так, как подданная русская, // Она такая же москвичка, как была».*

Второй круг, как было отмечено выше, образуют лексемы, описывающие различные ситуации употребления алкогольных напитков. И эти ситуации в идиолекте О. Митяева отчётливо делятся на три группы, все в рамках узуальных представлений, но, безусловно, с очень авторской интерпретацией. Одна небольшая группа – это контексты, связанные с русской традицией поминать умерших, ставя на стол рюмку (стакан) водки, накрытый хлебом: *«В синем зимнем Абакане // Над гостиницей метели, // Хлеб над водкою в стакане, // Греться ветер лезет в щели»* («Абакан») – сочетание «хлеб над водкою» объяснимо подзаголовком песни – «Памяти А. Галича».

Следующие две группы контекстов условно можно обозначить как «положительные» и «отрицательные» ситуации приёма алкоголя. Первые больше, они хронологически появляются раньше и отражают ту важную особенность русской культуры питья, которая обязательно связана с тёплым, дружеским общением. Такие ситуации складываются на основе второго общеязыкового значения глагола *пить*, формируются под действием нейтральной семы «принимать алкогольный напиток», развивают у Митяева резко положительные узуальные коннотации (пить с друзьями, пить за здоровье друзей). А.Д. Шмелёв подчёркивал уникальность той роли, «которую для русских играет задушевное общение и характерная для русской традиции особая культура питья. В соответствии с русским представлением о хорошей

трапезе, самостоятельной ценности не имеет не только выпивка, но и еда как таковая. Главное для русского застолья – не поесть и даже не выпить, а, разомлев от хорошей выпивки и закуски, открыть свою душу другому человеку» [Шмелёв, 2002, с. 169]. Именно эта задушевность общения становится главной целью многих выпивающих героев песен О. Митяева. *«Свитера с оленями // И водочка с соленьями, // Но не за ради просто пить, // А говорить до полночи. // ... Где же нам ещё сегодня правду петь // На планете с гаджетами разными...»* – так в песне «Экология души» автор вывел формулу идеального душевного общения.

Герои не просто пьют водку (реже спирт), при этом они у О. Митяева, как увидим, обычно поют, разговаривают («галдят», «толкают речи»), смеются, любят, расстаются. Не случайно лексемы «галдеть», «петь», «речь» получают возможность обозначать ситуацию такой вот дружеской пирушки, даже если в ближайшем их окружении нет слов характерной тематики: *«Свалятся мужики, // Будем галдеть и петь // И в форточках огоньки // Будут чужих гореть. // За Старый год, за нас // Наговорим речей, // Друг заведёт «КАМАЗ», // И мы поедем к ней»* («Западная Сибирь»). Любому носителю языка очевидно, что речи здесь – это традиционные тосты, сопровождающие застолье. Вообще «петь» становится в идиолекте О. Митяева непременным атрибутом этого дружеского «пить», более того, характеристикой именно русского способа общения: *«Вроде за кордоном // Всё те же, // Любят и живут, // Только пьют, пожалуй, реже // Реже и поют»* («Вот она – граница»).

Петь и *пить* связаны и за рамками дружеского общения, но продолжают фиксировать состояние творческой эйфории поэта: *«И возвратившись, долго я ещё не сплю, // Пою и пью, а лето тает. // Пускай стучатся в мой ангар, я никому не отворю. // В нетрезвом виде авиатор не летает»* («Авиатор»). Иногда при обозначении лёгкого дружеского общения автор использует глагол *выпивать*: *«Итак, он спал на льдине, // Она в Москве играла, // С подружкой выпивала, которая поёт»* («Вечная история»), как видим, понятия *петь* и *пить* соединяются почти автоматически, даже если напрямую не связаны или у них разные субъекты. Заметим, что у глагола *выпивать* словари фиксируют два значения: «1. Пить в каком-либо количестве (выпивать стакан чаю). 2. Разг. Любить пить в 3 значениях, иметь пристрастие к спиртному» [Ожегов, Шведова, 1997]. В словаре под ред. А.П. Евгеньевой [Словарь русского языка в 4 т. ..., 1999] негативность второго значения чуть сглаживается по сравнению со словарём С.И. Ожегова: «Иметь склонность к спиртным напиткам, часто употреблять их». Иллюстрируется это значение фразой Ф.М. Достоевского «А Миколай хоть не пьяница, но выпивает», которая показывает очень яркое, с точки зрения носителя русского языка, отличие пьяницы (и явной негативной оценки, содержащейся в значении этого слова) от человека «выпивающего», который объективно может пить столько же, сколько и первый, но оценивается не отрицательно, а скорее, положительно и воспринимается не трагично и сочувственно, как неизлечимо больной, а радостно, как душа компании, с ореолом веселья, счастья. Это же языковое различие демонстрируют нам и тексты О. Митяева: *выпивают* герои иногда, непринуждённо, в атмосфере веселья, словом, тогда же, когда и *пьют* во 2 значе-

нии. Однако это не мешает им *напиваться*, более того, действие может быть желанным, так как *напиться* у Митяева подразумевает очень интенсивное задушевное общение, например, после долгой разлуки: «Я уже заскучал по столице, // А прошло-то всего три недели, // По озябшим проходим, по лицам, // По которым скучается мне. // Возвращаться пора, как из плена, // И гадать – с кем же первым напиться...» («Крепитесь, люди, скоро лето!»). При этом общий контекст атмосферы приятного, душевного общения гарантирует отсутствие перехода в отрицательное состояние «спиться»: «Не напьёшься, смех смехом, никогда // С нехорошим человеком, и не беда! // А с хорошим не сопьёшься, я с ним знаком, // Надо мною ты смеёшься, дураком» («Синее море»).

«Отрицательные», т. е. тяжелые ситуации употребления спиртных напитков в идиолекте поэта связаны, как и в узусе, с третьим значением глагола *пить* – «постоянно употреблять спиртное, пьянствовать» и отчётливо делятся по тематике на две группы. В текстах первой через лексемы *алкоголик*, *алкаши*, *запой*, *вытрезвитель* вырисовывается трагедия человека, который уходит в запой, как в другой мир, где нет проблем, пугающих в реальности. Периодически он возвращается к прежней жизни, но она не имеет ценности, не вызывает ничего, кроме безразличия: «Когда проходят дни запоя, // Мой друг причесан и побрит // И о высоком говорит // Уже не страстно, а спокойно, // И даже как-то безразлично, // Как будто все само собой. // Он выражается прилично // И к жизни тянется другой» («Когда проходят дни запоя»). Такой герой не вызывает осуждения, но лишь сочувствие. Как правило, у него есть личная причина, как бы оправдывающая его, – какая-то внутренняя «печаль», не позволяющая окончательно остаться в реальной жизни, тянущая человека на дно: «Но вряд ли // Печаль иссякнет, // Как дождик и эскимо. // Без дела // В рубашке белой // Он будет смотреть в окно» [Там же].

В песне «Мой отец», приводя целый ряд деталей, которые были свойственны жизни практически всех обычных людей 40 – 60-х гг. XX в. (и каждая семья могла узнать себя в них), автор создаёт обобщённую картину трагедии целого поколения, для которого много *пить* было так же естественно, как работать или верить правителю, а привод в вытрезвитель в биографии человека стоит на одной ступени с получением почётных грамот за хорошую работу («Тридцать лет профсоюзных событий, // Ни прогулов, ни громких побед. // Восемь грамот, привод в вытрезвитель // И награда за выслугу лет»). Нет поисков виноватых во всеобщем пьянстве, лишь намёки («Хорошо было с водкой. И с хлебом // Не всегда было так хорошо»), где водка предстаёт инструментом одурманивания, благодаря которому человек «верил Сталину, верил Хрущёву, // Верил, верил, работал и пил». (Эта мысль повторяется у О. Митяева неоднократно – см., например, в песне «Солнечное затмение»: «В дупель напивались пьяными, // Чтоб не сомневаться и не каяться»). Слово *алкоголик* в песне получает добавочные семантические оттенки и становится контекстуальным антонимом понятию «сильно пьющий человек». Начинается песня с тезиса «Мой отец алкоголиком не был», который доказывается, казалось бы, совершенно нелогично описанием того, что герой всю жизнь

постоянно пьёт. Но в контексте выясняется: ни постоянное горькое пьянство, ни приводы в вытрезвитель не делают человека алкоголиком до тех пор, пока он сохраняет способность самостоятельно мыслить, сомневаться и переживать за будущее своей семьи и страны. Его душевные терзания как раз обусловлены теми сомнениями, которые задавлены официальной «верой» и прорываются в минуты просветленья. Быть алкоголиком в этом случае – счастливое избавление, потому что оно предполагает полное отсутствие интереса к происходящему (поэтому у алкоголиков «в синь пустые лица» – «Знак вопроса»), внутреннего надрыва и, как ни парадоксально, но продлевает жизнь: *«Очень рано отца хоронили. // Очень много, казалось ему, // Мы неправды тогда говорили, // Но всё думал – видней наверху. // Верил Сталину, верил Хрущёву, // Верил, верил, работал и пил. // И, быть может, пожил он ещё бы, если б он алкоголиком был»*. Размышления завершаются с использованием известного фразеологизма «пропить мозги», значение которого объясняется целым рядом однородных действий (*«Не сорваться бы, не закужиться, // Да мозги бы свои не пропить, // Да молитвы читать научиться, // Чтоб отца и детей не забыть»*). А сомнения, страдания, боль – это, оказывается, черты нормального человека (не алкоголика), они и составляют его жизнь: *«Жизнь и боль – вот и всё, что имею, // Да от мыслей неверных лечусь. // А вот правды сказать не умею, // Но, даст Бог, я ещё научусь»*. Любое поэтическое произведение предполагает, как известно, возможность различных трактовок. Поэтому, наверное, не получится сделать однозначный вывод о том, какая правда имеется в виду: то ли та, которая противостоит неправде из предыдущей строфы и связывается с историческими реалиями нашей страны, ставшими известными во время хрущёвской оттепели, но совершенно запрещенными при Сталине; то ли правда о том, что сильно и постоянно пьющий человек – это всё-таки алкоголик (в контексте присутствует глагол *лечить*, косвенно ассоциирующийся с сочетанием «лечить от алкоголизма»), а попытки доказать обратное – это естественное стремление любящего сына пожалеть и оправдать своего отца.

Вторая группа контекстов из «отрицательного» круга формируется более «спокойной» лексикой, чем первая. Здесь не используются слова с яркой негативно-страдательной окраской (*алкоголик, алкаш, запой* и др.), даже если фактически речь идёт именно об алкоголизме, нет надрыва и трагедии. В качестве объединяющей мысли для текстов этой группы хорошо бы подошли слова из песни «Сколько лет живу, душой боля»: *«А за здоровье можно пить, пока оно не кончится (да только может кончиться)»*. Герой таких текстов – мужчина «за пятьдесят», имеющий очень богатый жизненный опыт (в том числе и опыт активного употребления спиртных напитков), у которого есть уже взрослые дети (*«которые просят не пить»* и *«плывут отдельно»* – «О чем размышляет мужчина, которому за пятьдесят»). Это человек, знающий о своих пороках и недостатках, но в целом принимающий мысль о том, что весёлая бурная молодость прошла. Он грустит от того, что силы уходят, но способен к самоиронии, примиряется с жизнью и без трагедии воспринимает ситуацию. Так, в стихотворении «Холода» холод, конец осени становится метафорой конца жизни, где герой одинок перед лицом вечности, когда «хандру

уже не сбрызнуть, и тревог не укачать, // И восторг не разлучить с одиночеством. // Больше хочется дарить, чем подарки получать, // И всё меньше говорить, а слушать хочется». Мы видим, что основу текста составляют слова, противоположные по смыслу тем, которые были ядром текстов первой, «положительной» тематики: там шумные компании («мужики», «друзья») – здесь восторг от одиночества. Там «галдёж», застольные «речи» – здесь молчание. Там веселье – здесь хандра и тревоги. Сейчас для героя «*напиться в дым*» означало бы «ощутить себя снова молодым» со всем стандартным набором: «*к друзьям махнуть, ...с машинистом петь, ...в ночи гулять*». Но он понимает, что это бесшабашное веселье безвозвратно ушло: «*Только мне в своей дыре, как в берлоге, хорошо // На закат сидеть смотреть цвета вечности*». Здесь даже глагол *сидеть* меняет своё значение: если раньше это почти всегда означало дружеские посиделки (Напр., «*Мы ни разу вот так не сидели, // И не пили, и песен не пели...*» – «Воскресение»), то сейчас передается прямое значение слова. И глагол *пить* (*допить*) в заключении стихотворения тоже возвращается к своему первому, основному языковому значению: герой, вспомнив молодость, иронизирует над собой, понимает, что пить так, как в молодости, уже нет желания и возможности, поэтому собирается «*свой кефир допить, // Детям позвонить // И спокойно крепкий табак курить, // И в седом дыму // Одному в дому // Слушать мятник*» и в целом глядеть на мир «пенсионно».

Заключение

Если рассматривать тексты О. Митяева как единое целое, можно заметить, что метатекстовые элементы исследуемого СП описывают жизненный цикл человека: от «*напитков безалкогольных*» как непеременимого атрибута детства («*Ни на что мне этот город не сменять*») через активное употребление алкогольных напитков во всём их многообразии человек возвращается к безалкогольным напиткам (опять же с поправкой на возрастные предпочтения: если в детстве это квас и лимонад, то «после пятидесяти» – кефир). То есть употребление спиртных напитков в идиолекте поэта символизирует максимальную полноту жизни: право на собственный выбор, на собственные ошибки, на реализацию мечтаний как в личном, так и в творческом и профессиональном плане. Когда иссякают силы лирического героя, лексика изучаемого СП начинает применяться в основном к воспоминаниям или мечтам, но уже не к реальности.

Анализ структуры СП «Употребление алкогольных напитков» в идиолекте одного из основоположников жанра авторской песни в России О.Г. Митяева показал, что это СП является одним из системообразующих в творчестве поэта. Основываясь на узуальных значениях лексем, входящих в данное СП, О. Митяев вносит собственное понимание, дополнительные компоненты в структуру поля. Так, в систему основного значения ядерной лексемы поля *пить* к общепринятой русской формуле дружеского общения «выпивка + закуска» в идиолекте О. Митяева добавляется практически обязательный третий компонент – пение (под гитару). В целом же развитие струк-

туры СП говорит о символизации в творчестве поэта лексем, в него входящих, направленных на поэтизацию жизненных ценностей, которые лирический герой считает особенно важными.

Список источников

Зализняк Анна А. Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувство, эмоция // Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки Славянских Культур. 2012. С. 167 – 175.

Козько Н.А. Лингвокультурные особенности концепта «Спиртные напитки» в английском языке // Проблемы истории, филологии и культуры. 2012. № 1. С. 334 – 342.

Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Хорошо сидим! // *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. статей. М.: Языки славянской культуры. 2005. С. 259 – 270.

Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука. 2004. 256 с.

Митяев О.Г. Песни [Электронный ресурс]. URL: <https://mityaev.ru> (дата обращения 29.07.2022).

Митяев О.Г. Тексты песен [Электронный ресурс]. URL: <http://accords.site/txt.php?s=036> (дата обращения 29.07.2022).

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1997. 939 с.

Патракеева Е.Б. Поэтизация и депоэтизация слова в тексте (на материале авторской песни): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Тамбов. 2000. 23 с.

Савина М.А. Оценочный компонент семантического поля «пьянство» // Вестн. ТГПУ. 2021 (6). С. 90 – 95.

Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой: 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы. 1999.

Черных Н.В. Семантическая ёмкость слова в рамках теории семантического поля: На материале поэзии М. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2003. 293 с.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

Шмелев А.Д. Сквозные мотивы русской языковой картины мира // Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры. 2012. С. 286 – 299.

References

Chernykh N.V. (2003) *Semantic capacity of the word within the framework of the theory of the semantic field: based on the poetry of M. Tsvetaeva*. Thesis. Rostov-on-Don. 2003. 293 p.

Dictionary of the Russian language: In 4 volumes of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics. ed. A. P. Evgenieva. 4th ed., Moscow, Russian languages; Polygraphic resources. 1999. (In Russian).

Koz'ko N.A. (2012) Linguistic and cultural features of the concept “Alcoholic drinks” in the English language. *Problems of history, philology and culture*, no. 1, pp. 334-342. (In Russian).

Levontina I.B., Shmelev A.D. (2005) We sit well! *Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Key ideas of the Russian language picture of the world. Digest of articles.* Moscow, Languages of Slavic culture. P. 259 – 270. (In Russian).

Maslova V.A. (2004) *Poet and Culture: Marina Tsvetaeva's Conceptual Sphere: Study Guide.* Moscow, Flinta: Nauka. 256 p. (In Russian).

Mityaev O.G. *Songs.* Available at: URL: <https://mityaev.ru> (accessed 29.07.2022). (In Russian).

Mityaev O.G. *Lyrics.* Available at: URL: <http://accords.site/txt.php?s=036> (accessed 29.07.2022). (In Russian).

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (1997) *Explanatory dictionary of the Russian language.* Moscow, Az, 939 p. (In Russian).

Patrakeeva E.B. (2000) *Poetization and depoetization of the word in the text (on the material of the author's song).* Thesis. Tambov. 23 p. (In Russian).

Savina M.A. (2021) Evaluative component of the semantic field “drunkenness”. *Bulletin TSPU*, no 6, pp. 90 – 95. (In Russian).

Shmelev A.D. (2002) *Russian language model of the world: Materials for the dictionary.* Moscow, Languages of Slavic cultures. 224 p. (In Russian).

Shmelev A.D. (2012) Cross-cutting motives of the Russian language picture of the world. *Constants and variables of the Russian language picture of the world.* Moscow, Languages of Slavic cultures, pp. 286-299. (In Russian).

Zaliznyak A.A. (2012) *Notes on words: communication, attitude, request, feeling, emotion.* Constants and variables of the Russian language picture of the world. Moscow, Languages of Slavic cultures. P. 167-175. (In Russian).

Сведения об авторе

Козакова Александра Алексеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего и сравнительного языкознания Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, aakozakova@sfedu.ru

Information about the author

Aleksandra A. Kozakova – associate professor of the Department of General and Comparative Linguistics, Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication, aakozakova@sfedu.ru

Статья поступила в редакцию 23.08.2022; одобрена после рецензирования 29.09.2022; принята к публикации 29.09.2022.

The article was submitted 23.08.2022; approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 29.09.2022.